

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Александра Михайловича Дронова

«Место Военной границы в концепциях административно-политического устройства королевства Хорватии и Славонии в 40–70-е годы XIX в.»,

представленной на соискание степени кандидата исторических наук по специальности

07.00.03 – Всеобщая история (Новое время)

Диссертация А.М. Дронова — попытка разобраться в том месте, какое занимала Военная граница (как постфронтирное пространство) в реализованных и нереализованных вариантах реорганизации административной структуры Габсбургской монархии. Столкнувшись в середине XIX века с ускорением темпа перемен, вызовом быстро народившихся национальных движений, конфликтной мобилизацией во время революционного кризиса 1848–1849 гг. и с последующими объединительными войнами в периферийных зонах, Австрийская империя мучительно искала новой формулы баланса между разнокалиберными акторами публичной политики, бюрократии и аристократических сетей. С другой стороны, чрезвычайно сложная, подверженная периодически конъюнктурным сдвигам территориально-административная, а также столь же непростая этно- или же церковно-политическая структура Монархии, где решающим фактором автономистских привилегий был удельный вес знати, в то же самое время стала не слишком удобной, заваленной реквизитом сценой для конкурентных национально-государственных проектов. Трансформация европейского «концерта держав», эксперименты в соседних империях и конкуренция с ними в смежных регионах, усиление или ослабление соседей, в частности утрата Турцией контроля над ее европейскими владениями являлись также важными ориентирами для венской политики и претендентов на большую или меньшую часть государственной власти в Империи или даже вне ее пределов. Вынесенная за скобки гражданского управления архаичная Военная граница в условиях ускорившейся модернизации и строительства наций подверглась раскалывающей этно-религиозной консолидации и столкнулась с утратой прежних владельческих и иных привилегий, разрушением привычного уклада жизни, когда ее старый граничный функционал подвергся серьезной эрозии.

Закономерно, после распада Австро-Венгрии в оптике национальных историографий старые имперские проблемы рассматривались слишком часто в селективном и ограниченном ключе на предмет соответствия или не соответствия тех или иных проектов, шагов и решений образам «идеальных отечеств», чьи территориальные

границы пересекались. Межнациональные конфликты, геноциды и насильственные миграции XX века придавали уверенность таким подходам, что вело иногда к непримиримой конфронтации в цеху историков (сербских и хорватских), моделируя в мире идей ситуацию реальной войны. Преодоление таких ограничений узконациональной перспективы заявлено автором диссертации как один из принципов его исследования. Предположим, что такой замысел нашел бы более эффективное решение не на рельсах национальной, а «новой имперской истории», опыт которой, к сожалению, оказался не учтенным.

Но кроме того в качестве научной актуальности исследования Дронов называет возрастающий интерес к компаративному изучению военизированных социумов и фронтальных зон, моделированию генезиса парламентаризма и иных институтов современной государственности в Раннее Новое время. И это вводит его работу в круг передовых научных проектов.

Цель и задачи исследования несколько по-разному сформулированы в текстах диссертации и автореферата. В первом — это «... выявление меняющейся роли фактора Военной границы в административно-политическом развитии королевства Хорватии и Славонии, как это отражено в дебатах сабора, прессе, публицистике, и в какой мере обсуждение проблемы в конечном итоге повлияло на выработку концепции хорватской государственности» (с. 5). По-видимому, ощущая некоторую громоздкость такой формулировки, в автореферате конструкцию фразы Дронов упростил: «... проследить изменения роли Военной границы в административно-политическом развитии королевства Хорватии и Славонии в контексте выработки концепции хорватской государственности» (с. 2). Наверное, хорошо и то, что здесь исчез «конечный итог», поскольку не вполне ясно, где бы он мог быть зафиксирован как концептуальное предначертание к началу 1880-х гг. (верхняя хронологическая граница), учитывая идеологические и партийные расхождения в среде политических активистов. Изменилось и количество задач. В тексте диссертации их намечено три, а в автореферате — шесть, то есть они глубже детализированы, однако присутствуют и содержательные различия. В автореферате не упоминается активность Сербского княжества на Военной границе (третья задача диссертации), рассмотренная в п. 2.4 диссертации. Заменой этому стала задача, скорее, методологической новации: «Дополнить традиционные подходы отечественной исторической науки к изучению истории Хорватии в Новое время методологическими приемами, применяемыми при изучении границ и пограничий» (с. 2).

Внушительный по объему раздел (около 38 страниц) во введении — анализ историографии. По-видимому, вкуче с характеристикой источников и методологическими

замечаниями, он вполне мог претендовать на звание отдельной главы. Внутри историографического раздела выделены отдельные подразделы в соответствии с тематическими рубриками рассматриваемой литературы.

Первая из них — исследования наций и национализмов. Этот подраздел дополнительно предварен историческим экскурсом в специфику нациеформирования у недоминантных народов Габсбургской монархии под влиянием йозефинистских реформ и наполеоновской экспансии (в связи с учреждением Иллирийских провинций и конструированием «иллирской» нации и языка). Какая-то часть этого материала, наверное, могла бы поместиться и в первую главу, а другая — в методологический раздел работы. Важной установкой для автора стала попытка избавиться от навязчивого и малопродуктивного членения на государственно-политические (гражданские, западные) и культурно-языковые (этнические, восточные) нации в прежних типологиях. Дронов прибегает к предложениям дифференцировать национальное позиционирование в зависимости от положения в имперской иерархии: «...нации, которые по отношению к имперскому центру можно рассматривать как культурно-языковые, оказывались в положении государственно-политических по отношению к подвластным им народам» (с. 11 диссертации, со ссылкой на С.В. Соколовского); по-видимому, к первому случаю относится принцип, заимствованный у В.А. Тишкова: «группа против государства». И действительно, такая модель находит подтверждение в эмпирическом материале диссертации.

Большое место в историографическом разделе занимает обзор фронтальных исследований, который был опубликован автором и в виде отдельной статьи. В нем содержится качественный анализ микронаправлений и различий в подходах разных групп исследователей, при этом некоторые из них склонны к построению широких концепций. Знание и учет возможностей компаративного потенциала фронтальной парадигмы — безусловное достоинство автора диссертации, хотя возможности использования этого потенциала уменьшаются избранным им в работе углом зрения.

Наконец, два последних подраздела в историографическом разборе — это «историография хорватской истории» и «историография Военной границы». В первом из них намечаются сильные линии в развитии хорватской историографии, а также, как долг перед предшественниками, перечисляются работы большинства отечественных хорватистов, во втором — рассматривается собственно проблематика Военной границы. Наиболее интересная часть этого подраздела — полемика между хорватскими и сербскими историками, начатая еще во времена Югославии и обострившаяся на фоне войны 1990-х гг. (М. Валентич и В. Крестич, как знаковые фигуры). Дронов отмечает

ключевые расхождения двух «школ», но открыто не присоединяется ни к одной из них. Так же беспристрастен он и в отношении перспектив обновления историографии в духе приоритета социальной истории (1980-е гг.) или в работах новых поколений постъюгославских историков. Кажется, что чуть большей смелости в оценках здесь несколько недостает.

Далее следует раздел с характеристикой источников, состав которых свидетельствует о достаточной фундированности работы. Некоторое удивление вызывает выделение в начале раздела трех «категорий» источников: документы госучреждений, статистика с описаниями и отчетами, а также документы политических лидеров, партий и движений (с. 45). Однако дальнейшее изложение, основывающееся на привычной видовой классификации, дает представление о гораздо большем богатстве использованных в диссертации исторических источников.

Деление на главы подчинено хронологическому принципу. В первой из них рассматривается период 1840–50-х гг., а во второй — 60–70-х. Впрочем, по понятным причинам, репрезентация материала исследования выбивается за эти хронологические рамки. Так самый первый параграф дает обзор истории Военной границы с ранних веков ее становления в XV–XVI веках, а его отдельный подпункт посвящен характеристике социальной (но также этнической и конфессиональной) структуры Границы. К сожалению, он крайне краток (с. 71–73). Вероятно, следовало бы уделить большее внимание социальной эволюции Границы, поскольку в дальнейшем к этим сюжетам автор уже почти не возвращается, а авторское замечание, заключающее этот пункт, сводится к отсутствию у граничар крупной сословной верхушки.

Раздел о волнах «иллиризма» (п. 1.2.1) также несколько выходит за определенные в работе хронологические рамки, однако, даже если он не вносит весомых новаций в известную историю, автор счел его необходимым для воссоздания идеологического контекста при выявлении вариантов включения Военной границы (или ее частей) в воображаемую политическую географию. Этому посвящены последующие разделы второго параграфа. Кроме того, здесь предпринимается попытка выявить степень вовлеченности Хорвато-славонской Военной границы в конкурирующие каналы национальной пропаганды (сербской и хорватской). Автор диссертации констатирует слабую интенсивность конфликта при сохранении административной обособленности Границы.

Дронов находит затем известное сходство в определении будущего Военной границы между народняками и унионистами накануне 1848 г. при коренном различии исходных принципов в их политическом мышлении (с. 102).

Размежевание сторон и обострение межнациональной борьбы, как известно, произошло в ходе революционных событий 1848–1849 гг. Дронов характеризует их с опорой на материалы Хорватского сабора и печати тех лет. Поэтому ключевое место в анализе отводится заявлениям, прошениям и политическим акциям разных инстанций власти (но прежде всего хорватского бана и саборских депутатов), хотя он учитывает также и фактор военной силы, тем более, что вовлеченность Границы в события Революции имела прежде всего именно это измерение. И тем не менее, помощь, оказанная имперскому центру в подавлении венгерского сепаратизма не привела к решительной перемене в статусе Границы, зато конкуренция между сербским и хорватским национальными проектами в этом регионе, вопреки союзничеству в борьбе с общим врагом, усилилась. Едва наметившийся вектор создания контрбалансов венгерскому преобладанию в Транслейтании с возможностью включения фрагментов Границы в новые автономные образования, был устранен спустя десятилетие, но в этом периоде народняки одержали верх над мадьяронами.

Период «неоабсолютизма» в Австрийской империи (1850-е гг.) рассмотрен в диссертации пунктирно, в виду подавления общественной активности. А начало второй главы отведено формированию хорватской партийной структуры, поэтому здесь упомянуты и даты, относящиеся к Предмартовскому периоду. Характеризуются позиции основных партийных лагерей в отношении имперского центра, венгров и югославянства, а также судьбы Границы, а затем рассматриваются проекты армейской бюрократии, искавшей возможности сохранения контроля при частичной и постепенной демилитаризации Границы в контексте идеи триализма и возможной экспансии в Боснию и Герцеговину.

Из текста диссертации трудно понять, в каком качестве был связан с военным министерством «граничарский политик и литератор» (с. 55) «бывший советник Хорватской придворной канцелярии» (с. 166) О. Утешенович Острожинский, чьи публицистические работы рассмотрены в начале п. 2.1.2 («Военная граница между Военным министерством и Хорватией»). Между тем, характер подобных связей важен для выяснения силы политического потенциала. Впрочем, здесь же речь идет и о подспудной полемике 1850-х, и о возобновлении публичной политики в начале 60-х с обострением борьбы на представительных площадках хорватов и сербов (Благовещенский собор 1861 г.). Армейские проекты по Границе оказались перенесены уже в следующий параграф диссертации (п. 2.2.1). В конце концов, констатирует диссертант, «...из-за реализации венгерского дуалистического проекта другие проекты были либо отброшены, либо встроены в рамки интересов Пешта» (с. 167).

Это обстоятельство вывело на политическую сцену как обособившуюся силу движение граничар, рассмотренное в п. 2.3 диссертации. Недовольные утратой привилегий с началом демилитаризации, граничары рассматривались и как вероятный союзник иными политическими силами, предлагавшими свои рецепты реванша после дуалистического преобразования Империи. Хотя эта борьба при саботаже имперских генералов порой оборачивалась относительными позиционными успехами для граничар (в виде отсрочек решения), в целом их фронт в глазах имперских властей выглядела как угроза, чему подтверждением стала авантюра Э. Кватерника.

Заключение к диссертации представляет собой объемное изложение выводов и обобщений, которые соответствуют выбранной во введении исследовательской программе. В частности здесь выделены реализованные на разных этапах варианты управления Военной границей, параметры динамики и логика борьбы вокруг планов ее административно-территориальной интеграции в перспективе демилитаризации, этапное видение проблемы в военном министерстве, зоны противоречий в сербо-хорватских отношениях на Границе и стадии роста самостоятельности в движении православных граничар. Некоторой неясностью в авторской позиции видится здесь только «колониционный потенциал» домовых задруг. Являлись ли они «тормозом для экономического и интеграционного развития» или все еще могли даже в эпоху железных дорог оставаться эффективным инструментом освоения новых территорий (например, в Боснии и Герцеговине)? В одном месте Дронов констатирует, что идеолог граничар О. Утешенович предлагал законсервировать задруги в их кризисном состоянии, а в другом — с допустимым одобрением высказывается о его стремлении «предложить особое решение по проблеме задруг как основы граничарского общества» (с. 207).

По-видимому, такие недомолвки проистекают от концентрации внимания автора на политической истории в ущерб социальному контексту. Приведу еще один знаковый пример. В другом месте диссертации сказано, что «... иллирам удалось через мега-идею сформировать суверенную нацию королевства Хорватии и Славонии уже к 1848 г., т. е. к моменту первой битвы наций в монархии Габсбургов. Это доказывает то, что в 1847 г. хорватский сабор (ландтаг) перешел с латыни на хорватский язык, причем, в его штокавском варианте. Поэтому здесь можно согласиться с немецким историком В. Кесслером. В отличие от чешского исследователя М. Гроха, относившего складывание хорватской нации к рубежу XIX–XX вв., он признает победу уже к середине 1840-х годов «политического хорватизма» и формирование к 1848 г. «хорватско-славонской нации» (с. 101). Дело-то как раз в том, что Грох в построенной им схеме динамики национальных движений увязывает переход к массовому национализму с изменением социальной

структуры в результате промышленного переворота и урбанизации. При этом политическая доктрина и культурно-языковые реформы, принятые элитой, конечно, могут опережать эти фундаментальные изменения.

Высказанные замечания следует отнести к разряду дискуссионных, поскольку в выбранных рамках рассмотрения соперничающих политических проектов Дронов добился убедительных результатов. В целом его диссертация представляет собой самостоятельное и законченное квалифицированное исследование, которое соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям п. 9 положения «О порядке присуждения ученых степеней» в постановлении Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842. Автор диссертации заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (Новое время).

Заведующий кафедрой новой и новейшей истории
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,
доктор исторических наук, доцент

Белов М.В.

12 ноября 2020 г.

Белов Михаил Валерьевич,
603000, Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2,
ауд. 310
тел. (831)-462-32-48
belov_mihail@imomi.unn.ru

